

КОЧЕВНИКИ ВОЛГО-ДОНСКИХ СТЕПЕЙ И АНТИЧНЫЙ МИР ВО II—IV ВВ. Н. Э.

Обширные степи в низовьях Дона и Волги были заняты в первых веках нашей эры сарматскими кочевыми племенами. Около начала II в. н. э. здесь происходит осязаемое изменение культурных традиций, связанное, видимо, с передвижением внутри сарматских племен и с образованием новой сильной конфедерации кочевников в заволжских степях. Создается новая так называемая позднесарматская культура, распространяющаяся затем на междуречье Волги и Дона¹. Какие именно племена были носителями этой культуры, пока с уверенностью сказать нельзя, на этот счет существуют различные точки зрения. Большинство исследователей считает их аланами², но имеются и противники этого мнения³. Видимо, в состав конфедерации входили аорсы, составлявшие несколько ранее ведущую группу сарматских племен в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии⁴. Как бы не назывались создатели позднесарматской культуры, они безусловно принадлежали к большой группе ираноязычных сармато-аланских кочевников.

Сарматы волго-донских степей были тесно связаны с античным миром. В сотнях сарматских подкурганных погребений, раз-

¹ А. С. Скрипкин. Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. Автореферат диссертации. М., 1973.

² П. С. Рыков. Древние культуры Нижнего Поволжья. „Нижнее Поволжье“ 1924, № 2, стр. 49; он же. Суловский курганный могильник. Саратов, 1925, стр. 25; он же. Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, стр. 101; P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 79; Б. Н. Граков. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ (Пережитки матриархата у сарматов) ВДИ, 1947, № 3 стр. 120—121; К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья. ДСИФ МГУ, в. 5, 1947, стр. 81; он же. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 108—112; он же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. ВССА, 1952, стр. 203—204; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3, 1950, стр. 232—235.

³ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. ТСА РАНИОН, IV, 1928, стр. 134; Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан—Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореферат диссертации. Л., 1958. стр. 15—16, 20; она же, Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. „Исследования по археологии СССР“, Л., 1961, стр. 151 и сл.: А. С. Скрипкин. Указ. соч. стр. 22.

⁴ П. С. Рыков. Суловский курганный могильник, стр. 25; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 104—109.

брошенных по левому берегу Нижней Волги, Волго-Донскому междуречью и правому берегу Дона, в погребальном инвентаре наряду с вещами сарматского облика встречаются и предметы античного производства, видимо достаточно прочно вошедшие в быт кочевников. Особенно значителен был этот импорт в I—II вв. н. э. В богатых сарматских курганах Поволжья и Подонья в это время нередко встречаются серебряные и бронзовые сосуды — пелики, ойнохои, чаши, ковши, котлы, патеры — главным образом италийского или галло-римского происхождения, италийские зеркала, золотые, украшенные вставками из цветных камней изделия боспорских ювелиров⁵. Правда, не все эти изделия попадали к сарматам путем торговли: они могли быть и объектами грабежа, военной добычей, подарками вождям и пр.⁶ К концу II в. н. э. эти драгоценные вещи почти исчезают из инвентарей сарматских могил, но менее ценный импорт из античных центров по-прежнему остается характерным для сарматских погребений.

Это прежде всего различные украшения, главным образом бусы, наличествующие в большинстве сарматских могил Нижнего Поволжья и Подонья вплоть до районов Куйбышева и Аткарска⁷.

⁵ И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, III, СПб., 1890, стр. 133; С. И. Капошина. Ценные находки археологов в районе Новочеркасска. ВАН, 1963, № 3; она же. Италийский импорт на Нижнем Дону. ЗОАО, II, 1967; она же. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века н. э. „Античное общество“. М., 1967; она же. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска. КСИА, 116, 1969; она же. Итоги работ Кобяковской экспедиции. КСИА, 103, 1965; S. I. Karoshina. A Sarmatian Royal Burial at Novocherkassk. „Antiquity“, XXXVII, 1963; Д. Б. Шелов. Италийские и западно-римские изделия в торговле Танаиса первых веков нашей эры. ААН, XVIII, 1965; он же. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века нашей эры. ЗОАО, II, 1967; D. Schelow. Der römische Import im Unterdon- und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z. „Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums“. Budapest, 1968; В. В. Кропоткин. Из истории римской торговли с Восточной Европой. „Историко-археологический сборник“. М., 1962; он же. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; он же. Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ Д 1—27, М. 1970; В. П. Шилов. Погребения сарматской знати I в. до н. э. — I в. н. э. СГЭ, IX, 1956; он же. Позднесарматское погребение у с. Старица. АИКСР, 1968; он же. Южноиталийские зеркала в Волго-Донских степях. СА, 1972, № 1; он же. Бронзовая чаша Андреевского кургана. СА, 1972 № 2; он же. Металлические сосуды из кургана у с. Большая Дмитриевка. СА, 1973, № 4; он же. Бронзовая пatera из Астраханской области. СА, 1974, № 1; он же. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху. КСИА, 138, 1974; И. А. Волков. Больше-Дмитриевские курганы. ТСУАК I, 3, 188; Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. СА, 1957, № 4; А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и первые века н. э. ТОИПГЭ, I, 1941; и др.

⁶ S. I. Karoshina. Указ. соч., стр. 258; С. И. Капошина. Связи сарматских племен. . . , стр. 147, она же. Сарматы на Нижнем Дону, стр. 166; В. П. Шилов. К проблеме взаимоотношений. . . стр. 60—65.

⁷ Н. К. Арзютов. Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928—1930 гг. ИНВИК, VII, 1936, стр. 92; ОАК за 1895, стр. 30—31; В. В. Гольмстен. Доисторическое прошлое Самарского края. „Краеведение“, ч. 1., Самара, 1924, стр. 163; она же. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 134.

Преобладают бусы стеклянные, прозрачные или из непрозрачной стекловидной пасты, в меньшем числе встречаются бусы и пронизки из гагата, сердолика и других материалов. Иногда и в это позднее время в могилах попадаются подвески из веточек коралла и скарабеи или амулеты из египетской пасты⁸, которые в массе принадлежат более раннему времени. Значительное распространение у сарматов получили бронзовые фибулы нескольких типов: сильнопрофилированные⁹, лучковые подвязные¹⁰, фибулы с кнопкой или с завитком на конце пластинчатого приемника¹¹, шарнирные фибулы с эмалью западноримского происхождения¹².

Изредка в сарматских погребениях конца II и первой половины III в. встречаются и некоторые другие бронзовые изделия античного производства. Упомянем, например, римский бронзовый ковш с веслообразной ручкой и галло-римский кованый кувшин из могилы у станицы Мелиховской¹³, целую серию бронзовых котелков кельтского типа, происходящих из погребений в Подонье, Поволжье,

⁸ Напр. П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище „Три брата“ в Калмыцкой области, произведенные в 1933 и 1934 гг. СА, I, 1936, стр. 146—148; И. П. Берхин. О трех находках позднесарматского времени в Нижнем Поволжье. АСГЭ, 2, 1961, стр. 146—147, рис. 3.

⁹ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, САИ Д 1—30. М., 1966, стр. 40 и сл. табл. 20, 2. Напр. P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 29, рис. 22—А; И. В. Силин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, стр. 52, рис. 28, 2; И. П. Берхин. О трех находках., стр. 145, 150, рис. 1, 5; 4, 5; и др.

¹⁰ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, стр. 48 и сл., табл. 22, 1, 3; напр., P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen. . . , стр. 35, рис. 27—А; стр. 39, рис. 31—С.; он же. Die Hügelgräber., стр. 9, рис. 1—G. стр. 46, рис. 71—В; И. В. Силин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 41, 49; он же. Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 49, 52, 60, 74, 76, рис. 18, 2; 28, 2; К. Ф. Смирнов. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. МИА, 60, 1959, стр. 256, рис. 19, 7; В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник. Там же, стр. 343, 368, рис. 62, 2, 4; и др.

¹¹ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, стр. 43 и сл. Напр., И. В. Силин. Памятники Нижнего Поволжья скифо-сарматского времени. „Археологический сборник“. Саратов, 1956, стр. 58, рис. 33.

¹² П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник, стр. 12, 29, рис. 22; он же. Очерки. . . , рис. на стр. 94; P. Rau. Die Hügelgräber, стр. 56, рис. 86—В; Д. Б. Шелов. Итальянские и западноримские изделия. . . , стр. 269; Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.). Известия АН Каз. ССР, Серия общественная, 1968, № 2, стр. 75, рис. 2, 1 — авторами эта фибула понята неверно.

¹³ Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. КСК, 1928, № 1—2, стр. 82—93; он же. Очерки истории Подонья—Приазовья. I. Ростов-на-Дону, 1949, стр. 87; Д. Б. Шелов. Западноримские импорты. . . , стр. 106—107.

Оренбуржье и Западном Казахстане¹⁴, бронзовую гирю в виде бюста Афины, найденную в Ростовской области¹⁵. Число относительно богатых погребений конца II — середины III в., содержащих ювелирные изделия производства античных центров, скорее всего боспорских, очень невелико. Можно указать, в качестве примеров, на могилы у Новой Норки и у слободы Котовой в районе Камышина¹⁶, на курган F=16 у села Усатово на реке Еруслан¹⁷, на погребения у с. Лебедевка в Западном Казахстане¹⁸. Гончарная керамика лишь в очень небольшом количестве проникала к сарматам и сравнительно редко встречается в сарматских могилах. Чаще всего это сероглиняные кувшины и миски, реже красноглиняные кувшины¹⁹. Обращает на себя внимание полное отсутствие в сарматских погребениях рассматриваемого времени античных амфор и другой керамической тары. Единственным исключением является находка небольшой светлоглиняной амфоры „танаисского“ типа первой половины III в. в Западном Казахстане²⁰. Это отсутствие вовсе не означает, что вино и другие жидкие и сыпучие товары, обычно перевозившиеся в амфорах, совсем не поступали к сарматам Подонья и Поволжья из античных центров. Следует полагать, что такие товары перевозились в степи в бурдюках или иных емкостях, удобных для транспортировки на вьючных животных²¹.

Единственным античным центром в рассматриваемом районе был город Танаис, переживавший во II и в первой половине III в.

¹⁴ И. В. Силин. Древние памятники в низовьях Еруслана, стр. 74, рис. 27, 12; он же. Ровненский курганный могильник. КСИИ, 84, 1961, стр. 102, рис. 36, 3; Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка, стр. 159, рис. 2; он же. Ново-Липовские курганы. АО 1968. М., 1969, стр. 156; И. П. Берхин. О трех находках... стр. 151; П. Д. Степанов, Андреевский курган. Труды НИИЯЛИЭ МОРД. АССР, XXVII, Саранск, 1964, стр. 219, 229, табл. VII, 13; В. В. Кропоткин. Римские импорты из Андреевского кургана в Мордовской АССР. КСИИ, 119, 1969, стр. 34—36, рис. 18; Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Указ. соч., стр. 76—77, 88, рис. 7, 3; 14, 5.

¹⁵ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, стр. 198.

¹⁶ И. П. Берхин. О трех находках... стр. 141 сл.

¹⁷ И. В. Силин. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 50 сл.

¹⁸ Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Указ. соч., стр. 71 и сл.

¹⁹ М. Г. Мошкова. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья. Автореферат диссертации. М., 1956, стр. 6—7, 10—11; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 214—215.

²⁰ Г. И. Багриков, Т. Н. Сенигова. Указ., соч. рис. 12.

²¹ Эта точка зрения, высказывавшаяся нами ранее лишь предположительно (Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М., 1970, стр. 178), получила косвенное подтверждение в одном из изображений замечательной серебряной чаши из Гаймановой могилы: в изображении скифа, пьющего вино из бурдюка (В. І. Бідзія. Дослідження Гайманової могили. Археологія, I, Київ, 1971, стр. 54, рис. 11). Можно не сомневаться, что характер виноторговли античных городов со скифами и с сарматами был в основном одинаков. В пользу этого предположения свидетельствует и наличие на одной из больших красноглиняных амфор II—III вв. н. э., найденной в Танаисе, надписи, говорящей о вместимости амфоры, выраженной в бурдюках.

н. э. период своего наивысшего расцвета. Этот расцвет был в значительной мере обусловлен той определяющей ролью, которую Танаис играл в торговле античного мира с варварскими племенами юго-востока Европы. Подавляющее большинство тех античных товаров, которые попадали к сарматам Подонья и Поволжья, а иногда проникали и далее — в степи Казахстана и в леса Прикамья, проходило через руки танаисских купцов. То, что сарматы бассейна Нижнего Дона и Приазовья были связаны с античным миром именно через Танаис, разумеется само собой, но и более восточные племена Нижнего Поволжья по-видимому основные товары античного происхождения получали также через Танаис²². Этот путь подтверждается находками в самом Танаисе тех же самых вещей — бронзовой утвари, фибул, бус, украшений — и примерно в тех же пропорциях, что и в одновременных сарматских могильниках²³. Некоторые широко распространенные в сарматском мире предметы обихода изготавливались в самом Танаисе. Таковы бронзовые сильнопрофилированные фибулы или фибулы с кнопкой на конце пластинчатого приемника. При раскопках Танаиса найдены заготовки, полуфабрикаты и неоконченные экземпляры таких фибул²⁴.

Вокруг Танаиса в I—II вв. н. э. существовала целая сеть небольших укрепленных оседлых поселений²⁵, жители которых занимались не только сельским хозяйством и рыбной ловлей, но и ремеслом. По крайней мере в двух из них — в Кобяковском и Подазовском — существовало ремесленное производство керамики тех ти-

²² Д. Б. Шелов. Экономическая жизнь Танаиса. „Античный город“. М., 1963. стр. 115 и сл.; он же. Итальянские и западноримские изделия в торговле Танаиса, стр. 251 и сл.; он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 174 и сл.

²³ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 142 и сл.

²⁴ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, стр. 11—12, рис. 1, 2; он же. Фибулы из раскопок Танаиса. „Античные древности Подонья—Приазовья“. М., 1969, стр. 257 и сл., табл. VII; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 95—96.

²⁵ Т. Н. Книпович. Танаис. М.—Л., 1949, стр. 128—149; С. И. Капошина. Раскопки Кобякова городища и его некрополя. „Археологические раскопки на Дону“. Ростов-на-Дону, 1962, стр. 95 и сл.; она же. Итоги работ Кобяковской экспедиции, стр. 45 и сл.; Г. А. Иноземцев. Ростовское городище, ЗСКОАИЭ I(III), 1927, вып. 2, стр. 21—23; М. Б. Краснянский. Остатки древнегреческого поселения на территории города Ростова на Дону. Отд. оттиск из газеты „Приазовский край“ за 12 октября 1910 г.; А. М. Ильин. Передовая фактория Танаиса. ЗРОИДП, II, 1914, стр. 156 и сл.; И. С. Каменецкий. Нижне-Гниловское городище. Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея, I, 1957, стр. 121 и сл.; он же. Итоги исследования Подазовского городища. „Археологические раскопки на Дону“. Ростов-на-Дону, 1973, стр. 34—35; Д. Б. Шелов. Сухо-Чалтырское городище. ВДИ, 1953, № 2, стр. 188 и сл.; С. Н. Братченко. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону. СА, 1957, № 2, стр. 188 и сл.; С. А. Вязигин. Древнее поселение у хутора Подазовского. „Памятники древности на Дону“, I, 1940, стр. 35 и сл.; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 174 и сл., там же и вся литература вопроса.

пов, которые встречаются иногда в сарматских могилах Подонья и Поволжья²⁶. Вероятно эти зависимые от Танаиса в экономическом и в политическом отношениях поселения участвовали и в танаисской торговле с населением окружающих степей.

Помимо пути через Танаис предметы античного импорта могли попадать к сарматам Волго-Донского междуречья и на Нижнюю Волгу и другим путем — через Северный Кавказ. Этот путь, конечно, существовал и в период расцвета Танаиса²⁷, а позднее он становится единственным путем связи рассматриваемого района с античным миром.

Очень значительные перемены происходят в волго-донских степях в середине III в. н. э. В это время погибает Танаис, сожженный и разрушенный какими-то напавшими на него варварскими племенами. Раскопки Недвиговского городища рисуют яркую картину разгрома Танаиса неприятелем²⁸. Монетные находки и датированные надписи позволяют установить, что катастрофа произошла во второй половине 40-х годов III в. и что жители города были истреблены или угнаны завоевателями, так как они не смогли восстановить свой город. Одновременно прекращается жизнь и во всех других нижнедонских поселениях. Вполне естественно предполагать, что гибель этих поселений связана с тем же нашествием, которое оборвало жизнь Танаиса²⁹.

Кто разрушил Танаис и другие поселки Подонья, мы не знаем. Само время разрушения, совпавшее с активизацией в Северном Причерноморье готов и союзных с ними племен и непосредственно предшествовавшее захвату этими племенами ключевых позиций на Боспоре, заставляет предполагать, что события на Нижнем Дону были связаны с передвижением этих племен. Но были ли здесь сами готы³⁰, бораны³¹, гелуры³² или какие-то другие участники готского племенного союза и к какой этнической

²⁶ „Керамическое производство и античные керамические строительные материалы“ САИ, Г 1—20, М., 1966, стр. 34; С. И. Капошина. Одна из групп керамики с Кобякова городища. КСИА, 94, 1963, стр. 37 сл.; В. М. Косяненко. Сарматские кувшины с зооморфными ручками с Кобякова городища и некрополя. АИКСР, 1968, стр. 198 сл.

²⁷ См., напр. В. П. Шилов. Калиновский курганный могильник, стр. 480.

²⁸ Д. Б. Шелов. К истории Танаиса. ВДИ, 1959, № 1, стр. 126—127; он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 299 и сл.

²⁹ С. И. Капошина. Раскопки Кобякова городища. . . , стр. III; она же. Сарматы на Нижнем Дону, стр. 171; Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 193.

³⁰ А. С. Скрипкин. Указ. соч. стр. 21.

³¹ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 443; V. F. Gaidukevič. Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971, стр. 464 и сл.; И. Т. Кругликова. Боспор III—IV вв. н. э. в свете новых археологических исследований. КСИА, 103, 1965, стр. 8.

³² Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 302 и сл.

группе принадлежали эти пришельцы, определить невозможно. Кто бы ни были эти племена, их передвижение, означавшее начало „великого переселения народов“, положило конец целому периоду истории Подонья и Приазовья.

По-видимому изменения, связанные с указанными передвижениями, коснулись не только оседлых поселений Нижнего Дона, но и сарматского кочевого населения в междуречье Дона и Волги. Отмечается резкое сокращение числа сарматских погребений в междуречье во второй половине III и в IV вв. н. э., что связано, может быть, с вытеснением сармато-аланских племен с этой территории новыми пришельцами³³. Основная часть сарматских могил этого времени находится в Заволжье. Как правило, это относительно бедные погребения, в которых весьма редко встречаются импортные вещи античного происхождения³⁴. Разорение Танаиса и утверждение в придонских степях новой группы варварских племен очевидно тяжело отразилось на отношениях сарматов с античным миром, оборвав основную нить, связывавшую кочевников Поволжья с Боспором. Возможно, сказалось и общее ослабление Боспора, явившееся результатом захвата его теми же варварами в 60-х годах III в. ³⁵.

Однако полностью эти отношения не прекратились. Античные изделия, хотя и в небольшом количестве все же встречаются в поволжских сарматских курганах второй половины III и IV вв. н. э. Это главным образом фибулы, бусы и другие мелкие украшения, очень редко — гончарные сосуды³⁶. Все эти изделия поступают к сарматам теперь через Северный Кавказ. В этом отношении характерно распространение в Нижнем Поволжье тех типов фибул, которые были в употреблении в это время именно на Северном Кавказе: лучковых двучленных с расширенной ножкой, серебряных сильнопрофилированных с бусиной на головке³⁷. Очень интересна группа поздних коленчато-изогнутых фибул с завитком на конце приемника, распространенных только в Нижнем Поволжье и Приуралье. Эта единственная группа фибул, для которой можно предполагать местное поволжское происхождение. Производство их

³³ А. С. Скрипкин. Указ. соч., стр. 21.

³⁴ П. С. Рыков. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю. Саратов, 1928, стр. 29.

³⁵ В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч. стр. 449 сл.; 454 сл. 468 сл.; V. F. Gaidukevič. Указ соч., стр. 468 сл., 472 сл.; В. Д. Блаватский. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964, стр. 207 и сл.; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время. М., 1966, стр. 22, 56 и сл.

³⁶ Напр. П. С. Рыков. Суловский курганный могильник, стр. 41, 46, 48; P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen. . . , стр. 68; П. С. Рыков. Археологические раскопки курганов в урочище „Три брата“, стр. 145—148; И. В. Силин. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. СА, VIII, 1946, стр. 90; он же. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, стр. 41—42, 118, 126; он же. Древние памятники в низовьях р. Еруслана, стр. 51; В. П. Шилов, Калиновский курганный могильник, стр. 378, 394 и др.

³⁷ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР, стр. 42, 52 сл.

относится к концу III и к IV вв. н. э.³⁸, когда передвижение кочевых племен нарушило традиционные торговые связи и в частности был разрушен Танаис, ранее поставлявший фибулы сарматам.

По-видимому в сарматских погребениях конца III—IV вв. н.э. встречаются и античные изделия, попавшие в степь ранее, до разгрома Танаиса, но задержавшиеся в быту кочевников. Таково, вероятно, происхождение некоторых бронзовых котелков кельтского типа, найденных в заведомых комплексах IV в., но по форме датируемых еще II—III вв. н. э.³⁹.

Новые изменения в волго-донских степях происходят в 70-х годах IV в. Они связаны с нашествием гуннов. Это нашествие везде сопровождалось, как известно, страшными разрушениями. Не избежали этой участи и центральные области Боспорского царства, где следы гуннского погрома прослеживаются археологически в ряде центров⁴⁰. Невозможно сомневаться в том, что для населения Нижнего Подонья и Северного Приазовья гуннское нашествие имело такие же катастрофические последствия, как и для жителей других областей. Но здесь не было в это время оседлых поселений, которые могли бы подвергнуться гуннскому разгрому; Танаис все еще не был восстановлен после разрушения его варварами в середине III в. Что касается кочевого сармато-аланского населения степей Поволжья и Подонья, то судьба его нашла отражение в известиях Аммиана Марцелина: „Итак, гунны, проследовав через области аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, многих перебив и ограбив, остальных присоединили к себе на условиях союзного договора и с их помощью уверенно ворвались, внезапно и стремительно, в широкие равнины и плодородные области Германариха. . .“⁴¹.

Кочевнические погребения гуннского времени в волго-донских степях были известны уже давно, но они не выделялись в особую группу, а либо объединялись с позднесарматскими погребениями

³⁸ Там же, стр. 46.

³⁹ И. П. Берхин. О трех находках. . ., стр. 151, рис. 6; вероятно таково же происхождение и бронзового котелка в погребении гуннского времени у с. Федоровка в Бузулукском уезде: В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 135.

⁴⁰ А. А. Васильев. Готы в Крыму. ИРАИМК, I, 1921, стр. 289 и сл.; В. Ф. Гайдукевич. Указ. соч., стр. 479 и сл.; V. F. Gaidukevič. Указ. соч. стр. 494 и сл.; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 23—24; К. В. Голенко, Н. И. Сокольский. Клад 1962 г. из Кеп. НЭ, VII, 1968, стр. 84 и сл.; Н. И. Сокольский. Гунны на Боспоре (по археологическим данным). Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest, 1968, стр. 251 и сл.

⁴¹ Amm. Marc., XXXI, 3. I.

II—IV вв. н. э.⁴², либо включались в довольно аморфную группу памятников V—VIII вв. н. э., приписывавшуюся обычно позднейшим сармато-аланам⁴³. Хотя принадлежность некоторых из этих могил гуннам могла подозреваться и ранее⁴⁴, твердое выделение их и хронологическое определение последней четвертью IV и первой половиной V в. н. э. было произведено сравнительно недавно⁴⁵.

Этническая принадлежность всех этих кочевнических погребений конца IV — начала V в. пока твердо не установлена. Вероятно большинство этих могил, которых известно в рассматриваемом районе немногим более трех десятков, принадлежало гуннам, но возможно, что некоторые из них были погребениями каких-то сарматов или аланов, подвергшихся сильному влиянию гуннов⁴⁶. Наиболее характерными вещами в погребальном инвентаре являются своеобразные украшения — диадемы, серьги, колты, пряжки, нашивные бляхи и пр., — выполненные из серебряного или золотого листа, натянутого на бронзовую основу, и украшенные тисненым рубчатым орнаментом и вставками из альмандинов, гранатов или цветного стекла⁴⁷. Эти изделия позднего полихромного стиля происходят скорее всего, согласно общепринятому мнению (хотя

⁴² Т. М. Минаева. Погребения с сожжением близ г. Покровска. УЗСГУ, VI, 3, 1927, стр. 121—122; П. С. Рыков. Очерки. . ., стр. 103—104; Б. Н. Граков. ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΥΜΕΝΟΙ, стр. 121; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия, стр. 114; он же. Вопросы изучения сарматских племен. . ., стр. 215—216; И. В. Силицын. Археологические памятники в низовьях р. Иловли. УЗСГУ, XXXIX, 1954, стр. 226 и сл.

⁴³ И. В. Силицын. Позднесарматские погребения Нижнего Поволжья. ИНСВИК, VII, 1936, стр. 71 и сл.; Е. К. Максимов. Позднейшие сармато-аланские погребения V—VIII вв. на территории Нижнего Поволжья. „Археологический сборник“, I, Саратов, 1956, стр. 65 и сл.

⁴⁴ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 134; П. С. Рыков. Очерки. . ., стр. 103; J. Werner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, стр. 63—64.

⁴⁵ И. П. Берхин. Нижнее Поволжье в эпоху переселения народов. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии Гос. Эрмитажа. Л., 1964, стр. 17—19; И. П. Засецкая. О хронологии погребений „эпохи переселения народов“ Нижнего Поволжья. СА, 1968, № 2, стр. 52 и сл.; она же. Особенности погребального обряда на территории степей Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья в гуннскую эпоху. АСГЭ, 13, 1971, стр. 61 и сл.; она же. Гунны в южнорусских степях. Конец IV — первая половина V вв. н. э. (по археологическим данным). Автореферат диссертации. М., 1971.

⁴⁶ И. П. Засецкая. Особенности погребального обряда, стр. 72.

⁴⁷ ОАК за 1912 г., стр. 126—127, рис. 211—213; И. И. Толстой и Н. П. Кондаков. Указ. соч., III, стр. 140—142, рис. 166—171; P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen, стр. 72—76, рис. 68; Т. М. Минаева. Погребения с сожжением, стр. 91—123, табл. I, II, VI; T. Minaeva, Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Širovo. ESA, IV, 1929, стр. 194—209, рис. 2, 5—7, 12—15, 25—28, 32; В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии, стр. 134—135, рис. 54—59; И. В. Силицын. Позднесарматские погребения. . ., стр. 75—83, рис. 4, 6—8, 10—11; И. П. Засецкая. Электровая диадема из погребения у с. Верхне-Погромное в Нижнем Поволжье. СГЭ, XXVII, 1966, стр. 54—55; она же. О хронологии. . ., стр. 58, прим. 44, 48; И. Ф. Ковалева. Погребение IV в. у с. Старая Игрень. СА, 1962, № 4, стр. 235.

допускается и наличие других центров их производства)⁴⁸, из боспорских ювелирных мастерских и попадали к кочевникам волго-донских степей по обоим уже известным нам направлениям — через Северный Кавказ и через Нижнее Подонье, где в 70-х или 80-х годах IV в. был вновь заселен разрушенный в середине III в. Танаис.

Восстановленный Танаис, несомненно, не обладал той экономической мощью, которой отличался город периода расцвета, II — первой половины III вв. н. э. Но археологические исследования последних лет⁴⁹ показали, что Танаис конца IV и начала V вв. н. э. все же не был таким уж захудалым и незначительным поселением, каким он представлялся нам ранее⁵⁰. Город был связан с главными центрами Боспора, откуда он получал товары в амфорах, краснолаковую керамику, стеклянные и другие изделия⁵¹. В то же время многочисленные находки в поздних слоях городища бронзовых фибул и металлических украшений некоторых типов, лошенок острореберных мисок, костяных гребней и других предметов западного происхождения ясно указывают на тесные связи позднего Танаиса с областями распространения черняховской культуры и на прямое присутствие в населении города выходцев из этих областей⁵².

Танаис в какой-то мере продолжал оставаться центром торговли, распространявшим свое влияние по крайней мере на Нижнее Подонье, а может быть и на Нижнее Поволжье. Об этом говорят находки в редких донских курганах гуннского времени таких же костяных гребней, как и в самом Танаисе⁵³, стеклянных сосудов с напаянными синими нитями или глазками⁵⁴,

⁴⁸ Л. А. Мапулевич. Серебряная чаша из Керчи. Л., 1926, стр. 35 и сл. В. Ф. Гайдукевич. Ук. соч. стр. 395, 426—427; V. F. Gaidukevič. Указ. соч., стр. 485 и сл.; Е. О. Прушевская. Художественная обработка металла (торевтика); АГСП, 1955, стр. 351—352; В. Д. Блаватский. Указ. соч., стр. 188—189; И. Т. Кругликова. Боспор в позднеантичное время, стр. 167 сл.; И. П. Засецкая. Полихромные изделия гуннского времени из погребений Нижнего Поволжья. АСГЭ, 10, 1968, стр. 53; ср. Э. Р. Штерн. К вопросу о происхождении „готского стиля“ предметов ювелирного искусства. ЗООИД, XX, 1897, стр. 1 и сл.; J. Werner. Указ. соч., стр. 63—64; М. А. Тиханова, И. Т. Черняков. Новая находка погребения с диадемой из Северо-Западном Причерноморье. СА, 1970, № 3, стр. 125.

⁴⁹ Т. М. Арсеньева, Д. Б. Шелов. Исследования Танаиса. АО 1971. М., 1972, стр. 150—151; они же. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг. КСИА, 143, 1975, стр. 38 и сл.; Т. М. Арсеньева. Работа в Танаисе. АО 1972. М., 1973, стр. 110—112.

⁵⁰ См. напр. Д. Б. Шелов. К истории Танаиса, стр. 127.

⁵¹ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 315 и сл., 328.

⁵² Там же, стр. 319, 322—323, 325, 328—329; Т. М. Арсеньева. Лепная керамика Танаиса, I, Сб. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 181.

⁵³ Г. М. Мелентьева. Курганы позднесарматского времени на Нижнем Дону. КСИА, 133, 1973, стр. 126, рис. 54.

⁵⁴ Там же, стр. 127; И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Погребение гуннского времени близ Танаиса, СА, 1962, № 3, стр. 237, рис. 1, 1.

серебряных двупластинчатых фибул⁵⁵. Все эти категории вещей встречаются и в самом Танаисе или в его некрополе⁵⁶. Гораздо менее уверенно с торговлей Танаиса можно связывать упомянутые находки украшений полихромного стиля. Чрезвычайная подвижность кочевнических племен эпохи великого переселения народов создавала неограниченные возможности для перемещения подобных изделий не путем торговых связей, а вследствие разного рода внешнеэкономических отношений.

Упомянутые выше кочевнические погребения Поволжья и Подонья гуннского времени хронологически ограничиваются первой половиной V в. н. э.⁵⁷. Не выходит за пределы этого времени и датировка позднейших слоев Танаиса, существование которого окончательно прекращается где-то в первой половине этого столетия⁵⁸. Этим и заканчивается период влияния позднеантичной культуры в волго-донских степях.

Москва.

Д. Б. Шелов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	— Античные города Северного Причерноморья. Л., 1955.
АИКСП	— Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.
АО	— Археологические открытия.
АСГЭ	— Археологический сборник Гос. Эрмитажа.
ВАН	— Вестник Академии наук СССР.
ВДИ	— Вестник древней истории.
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952.
ДСИФ МГУ	— Доклады и сообщения исторического факультета МГУ.
ЗОО	— Записки Одесского археологического общества.
ЗООИД	— Записки Одесского общества истории и древностей.
ЗРОИДП	— Записки Ростовского общества истории, древностей и природы.
ЗСКОАИЭ	— Записки Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии.
ИНВИК	— Известия Нижне-Волжского института краеведения.
КСИА	— Краткие сообщения института археологии АН СССР.
КСК	— Краеведение на Северном Кавказе.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР.
НИИЯЛИЭ	— Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и этнографии.

⁵⁵ И. С. Каменецкий, В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 236, рис. 1, 2.

⁵⁶ М. А. Наливкина. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.) Сб. Древности Нижнего Дона. М., 1965, стр. 158, рис. 34; Н. П. Сорокина. Стекланные сосуды из Танаиса. Там же, стр. 208, рис. 3, 8, 9; 4, 5; Т. М. Арсеньева. Охранные раскопки курганного могильника Танаиса в 1969 году. Археологические памятники Нижнего Подонья, II, М., 1974, стр. 155.

⁵⁷ И. П. Засецкая. О хронологии. . . , стр. 53 и сл.

⁵⁸ Д. Б. Шелов. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 327—328.

НЭ	— Нумизматика и эпиграфика.
ОАК	— Отчет археологической комиссии.
СА	— Советская археология.
САИ	— Свод археологических источников СССР.
СГЭ	— Сообщения Гос. Эрмитажа.
ТОИПКГЭ	— Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа.
ТСАРА-	
НИОН	— Труды секции археологии РАНИОН.
ТСУАК	— Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
УЗСГУ	— Ученые записки Саратовского Гос. университета.
ААН	— Acta archaeologica Hungarica.
ESA	— Eurasia septentrionalis antiqua.